

СОФИЕВКА

(Глава 2 книги Н.П. Анциферова «Из дум о былом»)

Софиевка носит имя красавицы-гречанки с острова Хиоса, вышедшей замуж за графа Феликса Потоцкого. Этот магнат, принадлежавший к одному из наиболее знатных родов шляхетской Польши, захотел создать для своей жены на Украине маленький Версаль. И в степной стране появился изумительный парк в 107 десятин. Он был закончен в годовщину смерти Екатерины II, положившей конец Речи Посполитой. Особенность этого парка — его расположение в холмистой местности среди скал, размытых двумя речками: Уманкой и Каменкой. В парке два пруда: Верхний и Нижний, соединенные подземным каналом со шлюзами. По каналу при свете факелов можно было проезжать на лодках. Посреди верхнего пруда — остров с живописным павильоном, окруженным стройными и мощными пирамидальными тополями. Посреди нижнего пруда бьет из скалы высокий фонтан. На берегу — Пропилеи. Вдоль берегов Каменки — ярко-зеленые луга, окаймленные рощами. В тени деревьев, под навесом скал белеют мраморные статуи греческих богов, героев и трагиков. Это — Елисейские поля. То тут, то там слышится журчание ручьев, шум каскадов, смешивающийся с шорохами листвы.

Создать «Версаль» Феликсу Потоцкому все же не удалось: он не построил дворец на горе. Место уже было намечено. Оттуда открывался вид на спускающиеся к нижнему пруду террасы. Это единственный глубокий и широкий ландшафт в парке. Благодаря скалам и холмам он весь разбит на уединенные уголки, полные очарования. С какой-нибудь скалы, а чаще всего хаотического нагромождения каменных глыб, сквозь купы деревьев, открывается уголок парка в раме листвы и камня: берег пруда или речки, мостик висячий, темный грот с затененной мраморной статуей. Всюду — цветы. Из-под спускающихся к пруду ветвей ив выплывают лебеди.

На вершине холма, где должен был возникнуть дворец, среди дубов виднеется двухэтажный каменный белый дом¹. В первом этаже этого дома я и родился.

Моя жизнь связалась с парками. После Софиевки следовал Никитский сад на Южном берегу Крыма. Оттуда, после смерти отца, мы переехали в Пулавы — имение Чарторижского, переименованное в Ново-Александррию. Там был Сельскохозяйственный Институт, в котором имел кафедру Николай Михайлович Сибирцев <...>. Оттуда мы за Фортунатовыми (семья, ставшая для меня родной) переселились в Киев, где я сблизился с семьей директора Ботанического сада С. Г. Навашина. И этот сад стал местом моего учения и игр. Из Киева Фортунатовы переехали в Москву. Они поселились в Петровском-Разумовском (имении графа Разумовского) и я постоянно бывал у них. Дом их стоял в парке. Последними парками моей жизни были Петергофский (лето 1918 г.), Павловский (лето 1921—1922 годов) и, наконец, прекрасный Царскосельский сад, с которым мне хотелось бы остаться связанным до конца моих дней.

Софиевка — моя колыбель. Ее имя звучит мне и поныне так ласково С-о-ф-и-е-в-к-а. Образ ее первой хозяйки, для которой она была создана, графини Софии Потоцкой вплеся в мою жизнь, как отзвук какой-то забытой легенды. Уже юношей я увидел ее портрет. Помню свое удивление: этот образ оказался реальностью. Он жил в моем воображении, как сказка, рассказанная мне в детстве. Я всматривался в эти прекрасные черты с каким-то суеверным чувством. Это чувство знакомо тем, для кого сон становился внезапно явью. В ее чертах греческой богини было что-то детское, что-то от Миньоны.

Was hat man dir Du armes kind gethan²

Из воспоминаний Вигеля³ я знаю, что у Софии Потоцкой сомнительная репутация. Но мне хочется отмахнуться от исторической реальности словами Гегеля: тем хуже для действительности.

Много лет спустя в доме Шувалова в Царском Селе⁴ (тогда оно называлось уже Детским) я с изумлением увидел на стене фотографическую карточку Софии Потоцкой (это в XVIII веке!), а на противоположной стене снимок ее портрета. Проживавший в шуваловском особняке профессор Б. Е. Райков рассеял мое недоумение.

Владелец этого дома граф Шувалов был потомок Потоцких. В Ницце он встретил гречанку, поразившую его сходством с прабабкой. Граф познакомился с ней. Оказалось, что она родом с того же острова Хиоса, что и София Потоцкая. Шувалову пришла идея нарядить свою новую знакомую в костюм своей прабабушки и на фотографии запечатлеть ее черты. «Passe vivant»⁵ Анри де Ренье недалеко ушло от действительности⁶. Какой сюжет для новеллы во вкусе Проспера Мериме!

Мои родители были страстно привязаны к чудесной Софиевке. В ней протекла значительная часть их жизни. Как мало я знаю о ней! Мне только известно, что они были счастливы, и только одна тень омрачала их: у них не было детей. С появлением моим на свет рассеялась и эта тень. Однако после моего рождения они уже недолго прожили в Софиевке. Папа был переведен в Никитский сад, когда мне только что исполнилось два года.

Софиевку я узнал много позднее. Когда в 1897 году мой отец заболел, мы выехали всей семьей за границу для его лечения. Проездом останавливались у родных в Софиевке. И на возвратном пути мы снова задержались на моей родине. Здесь, в том доме, где я родился, умер папа. Когда мама со мной поселилась в Киеве, я несколько раз посетил Софиевку. Мой дядя (муж [маминой сестры] Машеньки — Дмитрий Семенович Леванда) был директором Училища земледелия и садоводства. Лучше всего запомнился первый приезд в 1900 г. Когда я приехал, была Пасха. В те годы я переживал страстное увлечение Элладой (под влиянием Гомера и греческих трагиков) и мечтал увидеть античные статуи, сохранившиеся в моих воспоминаниях. Когда я приехал, все статуи еще были в деревянных чехлах. Эти доски, покрытые местами мохом, показались мне гробами. Каково было мое огорчение! Дядя Митя в «мою честь», как он пошутил тогда, приказал освободить статуи от их зимних прикрытий. С каким восхищением смотрел я на этих «воскресших богов».

Много лет спустя, вчитываясь в терцины Пушкина, написанные им в подражание Данте, я вспоминал сад своего детства. Мне казалось, что все, от слова до слова, относилось ко мне.

И часто я украдкой убежал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.
Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздно мыслить было мне отрада.
Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.
Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый — все кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

Да, все это было и со мною в моей Софиевке.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал⁷.

И я чувствовал какое-то жуткое обаяние этих кумиров. Была Страстная неделя. Чтобы освободиться от этого наваждения, я шел в церковь, в ту самую, где отпевали моего отца, и где я когда-то дрожащими губами коснулся его холодного лба. Там, в этом священном для

меня месте, я горячо молился Христу. Но предо мной неотступно возникал смущавший меня мраморный образ Аполлона Бельведере кого, и я переставал молиться.

Вернувшись в Киев, я, как на исповеди, рассказал маме о моих искушениях. К сожалению, мама так растерялась, что ее страх поверг меня еще в большее сознание своей греховности.

Прошло много, много лет. Исполнилось 40 лет после кончины моего отца⁸. Я посетил свою Софиевку с женой Софией Александровной. Тот образ парка, который с детских лет жил в моей душе и казался таким прекрасным, вполне устоял перед реальностью. В течение моей жизни я повидал парки пригородных дворцов нашей столицы, побывал в Версале, Фонтенбло, в садах Боболи Флоренции и Villa d'Este под Тиволи — и все же сад моего детства остался для меня полным особого, только ему присущего очарования. За эти почти полвека он изменился мало. Только мраморные статуи, так волновавшие мой детский ум, исчезли. Они разделили участь своих прототипов на закате античного мира. Посетили мы и дом моего детства. Там помещалась канцелярия Училища.

На сельском кладбище* в буйно разросшейся траве мы нашли и могилу моего отца. Обелиск из черного Лабрадора был сброшен. Но цоколь остался на своем месте. На нем сохранилась и надмогильная надпись.

1

Дом «на вершине холма» виднеется на заднем плане за оранжереями. На переднем плане — дом, где проживала наша семья. Фото начала 1960-х годов (Прим. В.Л.)

² «Что сделали с тобой — увы! — дитя?» (Пер. С. Шервинского.)

³ Смакуя «стыдодейния» графини Софии Константиновны Потоцкой (урожд. Клавоне, 1764—1822), Ф. Ф. Вигель называет ее «новой Федрой, перед которой древняя жалка», намекает на отравление ею своих мужей (отца и сына Потоцких) и уверенно заключает, что «клевета в таких случаях извинительна». (Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 2. М., 1928. С. 219—221. См. также: В мире книг. 1978. № 6, С. 92—93).

⁴ Дом, о котором идет речь, помещался в Царском (Детском) Селе на углу ул. Средней (Коммунаров) и Дворцовой (Андрея Васенко) и принадлежал в 1910-е гг. Е. В. Шуваловой (урожд. кн. Барятинской), вдове гр. П. П. Шувалова. После революции в этом доме размещалась биостанция, возглавлявшаяся Б. Е. Райковым. Анциферовы жили там в начале 1920-х гг. до тех пор, пока не переселились в находившийся поблизости дом по ул. Революции (Малой), 14.

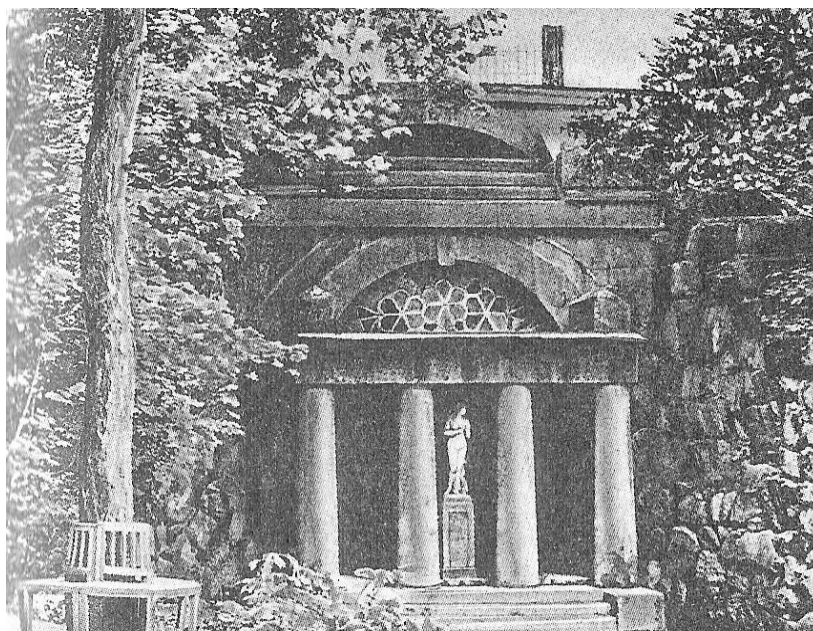
⁵ Живое прошлое (франц.).

⁶ Роман французского писателя Анри де Ренье (1864—1936) «Le passe vivant» вышел в 1905, его перевод на русский М. А. Кузьмина («Живое прошлое») — в 1925

⁷ Стихи 19—27, 42—45 и 49—51 из стихотворения А. С. Пушкина «В начале жизни школу помню я..». Вся пунктуация и окончание слова в ст. 21 (у Анциферова — искусственных) приведены нами в соответствие с оригиналом.

⁹ Отец Н. П. умер в 1897

* - *Ныне – кладбище на ул. Маяковского.. На этом кладбище до 1960-х годов хоронили преподавателей Уманского сельскохозяйственного института и других жителей города. В настоящее время кладбище практически уничтожено. (Прим. В.Л.).*

Софиевка. Грот Фетиды.

Фото 1900-х годов из книги Н.П. Анциферова «Из дум о былом».

